

ИЗЪ АРХИВА Н. О. КУТЛУБИЦКАГО

Аракчеевъ—влюбленный.

Въ біографической замѣткѣ о Кутлубицкомъ (Русск. Арх. 1913 г. №№ 3—5) нами было между прочимъ сообщено, что графъ Аракчеевъ имѣлъ виды на Авдотью Савельевну Ваксель, которая считалась уже невѣстой Николая Осиповича. Это словесное преданіе мы однако не могли подкрѣпить современными тѣмъ событіямъ письмами и считали таковыя утерянными.

Случай помогъ найти на одномъ изъ чердаковъ небольшой сундучекъ, окованный желѣзомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ разными „сантиманами“, сувенирами, пряжами волосъ и другими дорогими воспоминаніями покойнаго сподвижника Павла оказались и письма Авдотьи Савельевны къ своему жениху. Судя по номераціи этихъ писемъ, вѣрнѣе записочекъ (числомъ до 60), сдѣланной самимъ Кутлубицкимъ, нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ наиболѣе для насъ любопытныя, уже изъяты кѣмъ то изъ потомковъ, но и въ томъ, что уцѣлѣло, заключаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ Аракчеевъ—влюбленномъ, подтверждающія словесное преданіе.

Приводимъ здѣсь въ подлинникахъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ упоминается объ Аракчеевъ. Всѣ эти записочки написаны въ 1798 году (Іюнь-Августъ) и адресованы „Милостивому Государю Николаю Осиповичу Кутлубицкому—*Коменданту въ Петергофъ*“, что между прочимъ указываетъ, что сообщеніе наше объ удаленіи Кутлубицкаго отъ Двора съ Октября 1798 г. по Августъ 1800 г. является ошибочнымъ, ибо въ дѣйствительности за этотъ періодъ времени Николай

Осиповичъ снова бывалъ при Императорѣ Комендантомъ и въ Петергофѣ и въ Гатчинѣ.

„Я думала, милый Николушка, что ты опишешь мнѣ что нибудь, но прѣхавши съ матушкой изъ гостиннаго двора узнала, что ты ничего не присылалъ и самъ не заѣзжалъ. Очень я боюсь,—что съ тобой случилось? А я право не виновата, что матушка моя съ тобой такъ нехорошо поступаетъ. Если бы ты зналъ, какъ это мнѣ больно самой, но ты не сердись, а пожалѣй лучше о своемъ другѣ, которую сегодня въ угодность Аракчееву тащутъ какъ жертву къ дядюшкѣ Алексѣю Ивановичу. ¹⁾

„Проклятый графъ нарочно просилъ дядюшку, чтобъ меня непременно бы севодня на показъ ему привезли. Если бы ты зналъ, досадно и больно, но велятъ ѣхать. . . а оттуда тотчасъ послѣ обѣда поѣдемъ къ дядѣ Ивану Ивановичу. У него Никитушка именникъ, и будетъ балъ . . . Опять я тебя не увижу и потому *юрюшекъ* твой очень печаленъ и горько плачетъ.

Твой вѣрный другъ Дунюшка“.

3 Июля 1799 г.

„Благодарю тебя, любезный мой Николушка, за фрукты и за письмо, что мнѣ Мих. Петр. передалъ. Не сердись, что въ субботу не отвѣчала, никакъ не можно было. Были мы у дядюшки Алексѣя Ивановича, и тамъ видѣла я наконецъ графа, который пребольшіе мнѣ дѣлалъ комплименты за время обѣда и говорилъ, что какъ ты ему всегда за друга считался, то онъ надѣется о милостивомъ моемъ и къ нему расположеніи. Какой онъ гадкій и гнусный! Какая мерзкая и подлая у него рожа! Онъ мнѣ очень не понравился. А ты лѣнивъ сталъ писать, какъ вамъ не стыдно на верхкѣ бумажки мнѣ писать? Хотѣла бы я знать, кто это васъ въ Петергофѣ такъ занимаетъ, что и времени больше писать ко мнѣ не имѣете. Прощай лѣнивецъ. Теперь уже не цѣлюю Васъ, а больно, очень больно деру уши.

„P. S. Отпиши ради Бога, долго ли Государь пробудеть въ проклятомъ Петергофѣ. Брату Николаю ²⁾ кланяйся.

Твоя Дунюшка“.

¹⁾ Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ, Генералъ отъ Артиллеріи, Сенаторъ, Членъ Военной Коллегіи—братъ матери Авдотьи Савельевны.

²⁾ Николай Савельевичъ Ваксель.

„Не сердись на меня, милый другъ, если я тебя вчерашней запиской огорчила. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ самой досадно, что меня къ подлоцу Аракчееву тащутъ на показъ, и что я не увижу тебя. Постарайся быть вечеромъ у дядюшки Ив. Ив. Очень скушно мнѣ тамъ безъ тебя будетъ“.

„Я ни на что больше не сержусь, какъ только на то, что Вы съ Наумовымъ прислали мнѣ записку. Какъ можно быть столь неосторожнымъ! Не пеняйте теперь на меня—Вы сами принуждаете меня прервать съ Вами мою переписку. Вы доказываете своимъ поступкомъ, что репутація моя Вамъ ни мало не дорога. Почему вы удостовѣрены, что сей молодой человекъ молчать будетъ? Или Вы сами хотите, чтобы надо мной смѣялись. Прощайте, сударь. Я на Васъ не сердита, но писать Вамъ больше не буду. Никто однако больше Вамъ добра не желалъ, какъ покорная къ услугамъ Вашимъ Авд. Ваксель“.

Къ этому строгому письмецу сдѣлана приписка другою рукой:

4-го Юля 1799 года. Петербургъ.

„Я Васъ, Милостивый Государь Николай Осиповичъ, имѣю честь увѣдомить что Ваша Авдотья Савельевна вчера была на смотру у Графа Аракчеева и заразила его своей красотой до того, что онъ, не могши вытерпѣть, сказалъ, что не удивляется той страсти, которую Вы ощущаете къ Милостивой Государынѣ Авдотѣ Савельевнѣ, а впрочемъ желаю Вамъ всѣхъ благъ и сладостей человѣческихъ и остаюсь покорная къ услугамъ

Наталія Пальмина“.

Ниже приписано Авдотѣй Савельевной:

„Не вѣрь ей, Государь мой женихъ, она все вретъ, я у ней и перо вырвала, а то она врала бы до завтра“.

„Твое письмо убѣдило меня, и я больше не сержусь. Надѣюсь, что больше ни съ кѣмъ писать не будешь, какъ только съ своимъ человекомъ,

„Ты хочешь знать, что со мной вчера происходило. Будь спокоенъ; ничего не было, чего бы тебѣ бояться должно: Аракчеевъ въ 3-мъ часу прислалъ сказать, что не можетъ быть сегодня и черезъ письмо къ дядюшкѣ просилъ матушку, чтобы она его извинила, тоже и передо мной великія были извиненія, но быть ему никакъ не можно. Очень я рада, что мерзкой его хари не видала“.

16 Іюля 1799 г.

„Милый Николушка, очень я рада, что можетъ быть въ скоромъ времени увижу тебя. Дай то Богъ поскорѣе, но я не совѣтую тебѣ пока докладывать Государю о нашей свадьбѣ, потому что у насъ многое важное и нужное не готово. Если ты при томъ въ Гатчинѣ будешь Комендантомъ, то подумай—гдѣ же я останусь? Тамъ такъ тѣсно и безъ этого, а у матушки, я надѣюсь, ты меня не оставишь. Будучи женой твоей, у нея оставаться мнѣ никакъ не возможно. Но я лучше буду думать, что ты не станешь Комендантомъ въ Гатчинѣ, а ежели это случится, то отпросись у Государя хоть на одну недѣлю сюда къ намъ приготовить домъ и упросить матушку къ Сентябрю все покончить“.

24 Іюля 1799 г.

„Изъ письма твоего опять слышу, что Государь пробудеть до 28 Іюля въ Петергофѣ. Еще 3 дня ждать мнѣ чтобы тебя увидѣть. Хоть и грустно, а терпѣть надо. Ты не сердись на меня, что я золотой шнурокъ тебѣ на палку сплела. Право я не знала, что тебѣ неможно золотого носить, я тебѣ вскорѣ другой сдѣлаю, а этотъ верните мнѣ назадъ. Я его *другому* подарить намѣрена! Ты меня смѣшишь, что все спрашиваешь, часто ли графъ у насъ безъ тебя бываетъ. Ни разу не былъ. Успокойся, я его только разъ и видѣла. Довольны ли Вы теперь, сударь? Какой Вы ревнивый. Меня ни графъ ни кто другой теперь прельстить не могутъ, я такъ счастлива, что ты меня любишь. А сами Вы какъ? Мнѣ многіе сказываютъ, что Вы въ Петергофѣ *во вслѣхъ фрейлинокъ перелюбились*. Это вѣдь очень нехорошо! Право не знаю, вѣрить мнѣ этому или нѣтъ? А о свадьбѣ нашей теперь ничего не скажу больше, и я желаю, чтобы Государь пробылъ въ Петергофѣ хоть до 1 Августа и прошу Васъ больше мнѣ о свадьбѣ не писать, потому что Вы—*свинья!*“

(Приписка).

„Благодарю тебя, милый Николушка, что ты такъ горячо вступился за дядюшку Алексѣя Ивановича (Курсакова), когда стали у васъ говорить, что онъ дерется съ кадетами. Онъ очень, очень тебѣ благодаренъ и сегодня бывши у насъ очень лестно отзывался о тебѣ и не знаетъ, чѣмъ теперь ему заслужить передъ тобой. Благодарю также за Мих. Петр., который мнѣ все разсказалъ, что ты для него сдѣлалъ“.

„Письмо твое я получила и очень сожалѣю, что до 2 Августа тебя не увижу. Какъ тебѣ на стыдно говорить, что по моему желанію Государь остается въ Петергофѣ до того времени. Неужели же ты не понимаешь, что я пошутила! Хотѣлось бы мнѣ узнать, кто тебѣ сказалъ, что Аракчеевъ у насъ 5 разъ былъ. Ежели можно, то скажи; а вотъ что ты самъ во фрейлинъ влюбляешься, то меня дядюшка Алексѣй Ивановичъ вѣчно этимъ дразнить.....“

„Что до свадьбы нашей, то все пустое. Ты говоришь: въ недѣлю никакъ не возможно все окончить. Отпросись у Государя на 3 недѣли, это дѣло другое, я тогда согласна ѣхать съ тобой въ Гатчино. Это мое послѣднее слово и я имѣю важныя причины такъ поступать. И такъ если хочешь, чтобъ я съ тобой была въ Гатчинѣ, то еще разъ говорю тебѣ, отпросись на 3 недѣли, Государь вѣрно тебѣ не откажетъ. Прости. Ъду тебя въ воскресенье“.

„Благодарю тебя, милый мой Николушка, за все, что ты мнѣ прислалъ—ты меня такъ совсѣмъ избалуешь. Пряниковъ матушкѣ я не смѣла передать, оставила до твоего пріѣзда,—ты ихъ ей самъ отдашь. Пріѣзжай сегодня къ дядюшкѣ Алексѣю Ивановичу обѣдать, причешишь и одѣнься ради Бога по всей формѣ и пріѣзжай, потѣшь меня! Аракчеева тамъ сегодня не будетъ, онъ проклятый уѣхалъ въ Павловскъ. Мнѣ надо съ тобой о многомъ переговорить“.

31 Іюля 1799 г.

„Получила письмо твое, милый другъ Николушка, и очень рада, что Мих. Петр. засталъ тебя въ добромъ здоровьѣ. Онъ мнѣ пересказывалъ, какъ ты скоро одѣвался и кричалъ на камердинера

своего: „Ну, ну! Чтожъ до завтра! Ну!“ Очень хорошо, душа моя, что все еще старая у тебя привычка. О себѣ скажу, что ѣдемъ обѣдать на дачу къ Путятиной, гдѣ цѣлый день пробудемъ. Привези мнѣ въ понедѣльникъ вишень, персиковъ и арбузъ въ 3 охвата, вточь такой, какъ видѣлъ у тебя Мих. Петр. на столѣ въ Петергофѣ“.

„ Если бы ты зналъ, что съ твоими фруктами матушка дѣлаетъ! Всякій разъ черезъ дядюшку Алексѣя Ивановича она ихъ къ графу посылаетъ, къ проклятому Аракчееву. Онъ ими по большей части одинъ и пользуется! Прости, милый, будь здоровъ. Цѣлую тебя въ мысляхъ. Когда то увижу я тебя, бѣднаго моего *юрошка!*“

Приписка Наталіи Ив. Пальминой:

„При семъ и я Вамъ, Милостивый Государь Николай Осиповичъ, свидѣтельствую мое почтеніе и увѣдомляю, что мы Ваши прекрасные фрукты съ Авдотьей Савельевной *имѣли честь понюхать*, (а поѣлъ ихъ всѣ г. Аракчеевъ).....“

„Тебѣ сегодня обо мнѣ *слово дадутъ*, но *хотятъ непременно, чтобы ты ухалъ на инспекцію!* Ради Бога отговорись. Если тебя выключать за это со службы, я къ тебѣ все та же останусь! Я все понимаю, что это значить: тебя отправляютъ на годъ, быть можетъ на 2, а меня бѣдную межъ тѣмъ выдадутъ за Аракчеева, который на дняхъ хочетъ опять быть къ намъ обѣдать.

„Сжался надо мной, не составь моего несчастья. Не ѣзди!..“

„Если бы ты зналъ, какъ я боюсь, что матушка моя тебя уговорить послушаться и ѣхать на инспекцію. Что же со мной тогда будетъ? Какъ это перенести? Я сегодня цѣлый день плачу. Ради Бога не ѣзди—хоть бы выключили тебя со службы, я та же къ тебѣ останусь. Не оставляй меня. Со слезами прошу—не ѣзди!“

„Н.В. Бабушка пишетъ къ матушкѣ, чтобъ какъ можно скорѣе назначить нашу свадьбу. Если же матушка тебѣ откажетъ, то она на нее сильно разсердится“.

„Пріѣзжай сегодня къ намъ обѣдать. Дядюшка тоже будетъ. Прошу тебя (для нашей пользы), *не давай ему знать, что ты знаешь о предложеніи Аракчеева*, ты только скажи ему, что ты боишься, чтобъ тебя далѣе Москвы не прослали и задержать тебя вмѣсто мѣсяца годъ, либо два. Ты можешь ему и то сказать, что тебѣ скушно со мной разстѣваться. Если ты меня любишь, то упроси дядюшку, чтобъ на твое мѣсто послали другого и чтобъ тебѣ за это худо не было.

„Если же тебя выключать, то я та же къ тебѣ останусь, а матушка моя вчера Аннѣ Петровнѣ сказала, что ежели съ тобой что будетъ, то она навѣрно тебѣ откажетъ. Проси же дядюшку, чтобъ онъ упросилъ Аракчеева“.

„Благодарю тебя за записочку. Опять тебя сегодня не увижу. Очень мнѣ скушно, а еще досаднѣе, ежели Аракчеевъ тамъ будетъ. О какъ несносно мнѣ видѣть этого бездѣльника! Ежели дядюшка станетъ у меня спрашивать про тебя, я скажу ему, что ты боленъ, и сама переговорю о твоей поѣздкѣ. Буду просить со слезами, чтобъ онъ упросилъ мерзкаго Аракчеева послать другою. Ты не хотѣлъ меня въ этомъ слушать, то теперь мнѣ должно самой за тебя просить. Какъ мнѣ досадно, что ты такой упрямый....“

„Отпиши мнѣ, какой ты получилъ отвѣтъ отъ Аракчеева? Если бы ты зналъ, какъ я беспокоюсь“.

„Очень сожалѣю, что и сегодня съ тобой не видалась. Хотѣли меня дома оставить, но вдругъ закапризничала матушка и въ минуту приказала одѣваться и ѣхать съ ней къ Шишковой. Пріѣзжай завтра, очень скушно, что тебя не вижу. Посылаю эту записочку черезъ секретаря графа (Ростопчина), почтоваго офицера Чулкова. Не знаю какъ тебѣ писать, ты человекъ своего изъ Петергофа не присылаешь. Увѣдомь меня, присылалъ ли тебѣ Булыгинъ¹⁾ князя (?). Вели ему твой портретъ поскорѣе дописать. Очень рада я, что паршивому Аракчееву пришлось такъ худо!²⁾ Однако не надобно радоваться несчастью дру-

1) Вр. Командующій Гвардейской Артиллеріей.

2) Что случилось съ Аракчевымъ—изъ переписки не видно.

гихъ, а больше сожалѣть—я увѣрена, что и ты со мной объ этомъ однихъ мыслей“.

Окончанія этой переписки къ сожалѣнію въ ящикѣ не оказалось. Изъ другихъ же источниковъ видно, что Николай Осиповичъ ѣздилъ въ 1799 году на инспекцію артиллерійскихъ баталіоновъ въ Батурино, но въ какихъ мѣсяцахъ это было,—мы установить не имѣемъ данныхъ.

17 Августа того же года Кутлубицкій женился на Авдотѣ Савельевнѣ, а Аракчееву съ тѣхъ поръ не повезло у Государя. 1 Октября онъ былъ уже совсѣмъ отставленъ отъ службы, и Павелъ *черезъ Кутлубицкаго* приказалъ ему удалиться изъ Дворца, куда Аракчеевъ явился, не зная еще объ участи, его ожидавшей.

Хотя и не имѣется прямыхъ, письменныхъ къ тому доказательствъ, но мы полагаемъ, что между началомъ опалы Аракчеева и сватовствомъ Кутлубицкаго имѣется нѣкоторая причинная связь, которая между прочимъ даетъ разъясненіе одному изъ рассказовъ Ханенки, помѣщенномъ въ Рус. Арх. 66 г. (стр. 1326, 1327), гдѣ было указано, что И. П. Кутайсовъ, оскорбленный однажды (въ 1799 г.) перемѣной къ нему отношеній Аракчеева, „задумалъ погубить его и орудіемъ для этого избралъ Кут-ю, никогда искренно не расположеннаго къ Аракчееву...“

Однако изъ біографическихъ свѣдѣній о Кутлубицкомъ, равно какъ и изъ послѣдней записки легко усмотрѣть, что Николай Осиповичъ вообще не былъ способенъ на отомщеніе, почему и далъ Государю свѣдѣнія объ Аракчеевѣ, совершенно обратныя тѣмъ, что ожидалъ отъ него Кутайсовъ. (Относительно постройки дома въ Грузинѣ артиллерійскими солдатами).

Это еще болѣе подняло Кутлубицкаго въ глазахъ Императора, хорошо освѣдомленнаго объ ихъ распрѣ, при чемъ и самъ Аракчеевъ не могъ не оцѣнить дѣйствій Кутлубицкаго и считалъ себя всегда ему обязаннымъ съ этихъ поръ.

Матушка Авдотьи Савельевны, повидимому особа тонкая и практичная, считала болѣе выгоднымъ отдать дочь свою за графа Аракчеева, потому и не сочувствовала сватовству Николая Осиповича.

Это видно между прочимъ и изъ слѣдующей записки Авд. Сав. къ своему жениху:

„Письмо къ тебѣ вчера твой Кузьма съ фельдгегеремъ отправилъ. Не безпокойся, милый мой, но я очень разсержена и прошу тебя никогда къ матушкѣ не писать, потому что послѣднее письмо твое она всюду возила и какъ надѣ шуткомъ какимъ нибудь надѣ тобой смѣялась, что мнѣ очень больно и прискорбно, то и прошу тебя къ ней никогда не писать. Она въ письмахъ своихъ къ тебѣ ласы точить только затѣмъ, чтобъ ты ей повыгоднѣе домъ продалъ, да доктору ея ленту у Государя выпросилъ, а за глаза надѣ тобой смѣется, письмо твое всѣмъ показываетъ и говоритъ: „Вотъ какой прекрасный выборъ моей дочери!“ Я давно терпѣла, а теперь изъ терпѣнія вышла и рѣшилась о томъ тебя увѣдомить“.....

Самое письмо Анны Ивановны Вакселевой къ Кутлубицкому заслуживаетъ быть также здѣсь помѣщеннымъ, такъ какъ и оно сохранено Ник. Осип. рядомъ съ запиской Авд. Сав. и живо рисуешь взгляды своенравной маменьки того времени.

„Милостивый Государь

„Николай Осиповичъ.

„Благодарю Васъ за пріятное ко мнѣ письмо Ваше, извѣщающее о скоромъ пріѣздѣ сына моего, что меня несказанно утѣшаетъ, равно благодарю Васъ, что Вы стараетесь по сей части меня успокоить.

„Теперь буду говорить Вамъ объ Андреѣ Гавриловичѣ. Онъ много Васъ благодарить за пріятный трудъ объясненія о немъ графу (Ростопчину), но вотъ что его и меня удивляетъ: это что Вы полагаете невозможнымъ его къ украшенію знаковъ! Это было при блаженной памяти Государынѣ—остановленіе возвышенія чиновъ медикамъ, а по восшествіи Государя на престолъ все это разрѣшилось. *Почему же можно возложить знаки украшенія на какого ни есть мастера судовъ:* какъ то напримѣръ недавно случилось съ небольшимъ чиномъ—майоромъ Сарачевымъ. Почему же Андрей Гавриловичъ, сей почтеннѣйшій мужъ, который *60 лтъ служитъ отечеству* съ важнѣйшими пользами и по чину своему и по заслугамъ, остался достоинъ украшенія не болѣе какъ на шею? Удивительно, если Вамъ было со стороны графа (Ростопчина) сдѣлано такое отношеніе; но я надѣюсь, что Вы, любя Андрея Гавриловича, постараетесь его утѣшить и вновь, не въ долгое

время объясните графу вточности его труды къ отечеству и заслуги передъ Монархами“.

Получилъ ли 90-лѣтній медикъ Андрей Гавриловичъ послѣ новыхъ „разъясненій“ ленту, того не извѣстно, тѣмъ болѣе, что до насъ не дошла и фамилія сего почтеннаго мужа, но Анна Ивановна Вакселева сообразовалась съ ясно выразившимися къ тому времени симпатіей и антипатіей Императора (Кутлубицкій—Аракчеевъ) и, отказавшись отъ затѣяннаго ею плана—видѣть свою дочь графиней Аракчеевой, выдала ее наконецъ за Николая Осиповича.

Благодаря этому стеченію обстоятельствъ скромное имя Авдотьи Савельевны, затерявшись въ семейныхъ архивахъ, осталось не записаннымъ на скрижали отечественной исторіи, и уступило мѣсто другому болѣе громкому: *Настасьи Минкиной*, которая не забудется со временемъ послѣдующаго царствованія вмѣстѣ съ именемъ Графа Алексѣя Андреевича.

Сообщилъ И. Бр-ій.

